

УДК 94(517)»08/11» + 94(510).03/04
ББК ТЗ(5Мон) + (5Кит)

С. А. Васютин

*кандидат исторических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия),
e-mail: vasutin@history.kemsu.ru*

Трансформация элит Уйгурского каганата и империи Ляо: сравнительный анализ

Уйгурский каганат и империя Ляо были наиболее сложными социально-экономическими и политическими образованиями, созданными номадами в Центральной Азии в период раннего средневековья. В статье анализируется эволюция и структура элитарных слоёв данных имперских объединений. Сравнение состава привилегированных страт, изучение закрытых клановых групп и каналов попадания в высшие слои позволило выявить особенности элитарных слоёв уйгурской и киданьской империй. В Уйгурском каганате и империи Ляо в связи с получением значительных ресурсов от земледельцев, городского населения, торговли отчётливо проявилась тенденция к усложнению состава и функций элиты, но результаты данных изменений отличались. У уйгуров не произошло полного обособления высшей знати, оставшейся открытой даже для выходцев из иноэтничной среды. В Ляо к XI в. вокруг клана Елюй возникла замкнутая группа имперской знати, обладавшая наследственным статусом. Постоянно растущая служилая знать киданей, связанная с управлением в северной администрации, наоборот, оставалась открытой, так как клановые связи, удачная военная и административная деятельность, образование способствовали продвижению по служебной лестнице. В то же время в рассматриваемых обществах численный рост элиты вёл к внутреннему напряжению, конфликтам, усобицам, что наряду с внешней угрозой и другими факторами обусловило в конечном итоге падение Уйгурского каганата и киданьской империи Ляо.

Ключевые слова: Уйгурский каганат, Ляо, элиты в кочевых империях, эволюция и состав элит, имперская знать и бюрократия, замкнутые клановые и социальные группы, страты не кочевого происхождения.

S. A. Vasyutin

*Candidate of History, associate professor,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
e-mail: vasutin@history.kemsu.ru*

Transformation of the Uyghur Khaganate Elite and the Liao Empire: A Comparative Analysis

The Uyghur Khaganate and Liao Empire were the most complex social, economic and political formations created by nomads in Central Asia during the period of the early Middle Ages. The article presents an analysis of the evolution and structure of the elite strata in these imperial formations. The comparison of the composition of the privileged strata and research on closed clan groups and ways of penetrating into the elite strata reveal the peculiarities of the Uyghur and Khitan empires elite strata. In the Uyghur Khaganate and Liao Empire due to large resources received from tillers, citizens and commerce the composition and functions of the elites became more complicated but the results of these changes were different. The Uyghur elite didn't completely segregated and remained open even to descendants from other ethnic groups. In the Liao, by the 11th century the Yuli clan became the centre of a closed group of imperial elite with the right to succession. On the contrary, constantly expanding Khitan noblemen elite connected with Northern administration was open since clan connections, successful military and administrative activities and education contributed to the promotion in the hierarchy of positions. At the same time in these societies the growing number of elite members led to internal tensions, conflicts, intestine wars which along with the external threat and other factors caused the decline of the Uyghur Khaganate and the Khitan Empire of Liao.

Keywords: Uyghur Khaganate, Liao, elites in nomadic empire, evolution and composition of elites, imperial nobility and bureaucracy, closed clans and social groups, non-nomadic origin strata.

Уйгурский каганат и империя Ляо – наиболее сложные общественно-политические объединения центральноазиатских кочевников I тыс. н. э. В данных политиях произошли зна-

чимые изменения в общественной структуре, постепенно оформился новый статус и функции элит. Данная статья, подготовленная при поддержке гранта РГНФ–Монголия, 2011–2013,

№ 11–21–03001 а/Моп «История киданьской империи Ляо», ориентирована на выявление основных направлений трансформации элитных слоев Уйгурского каганата и империи Ляо, изменений в их составе и сравнение данных процессов с целью раскрытия особенностей эволюции элиты в сложных кочевых и кочевнических обществах.

Уйгурский каганат. Изначально элита уйгуров включала клан кагана, его военно-аристократическое и служилое окружение, наиболее знатные роды и глав племён. Так, в Терхинской надписи Элетмиш Бильге-кагана упоминаются шестьдесят внутренних сановников. Из них в тексте непосредственно фигурирует глава внутренних буюруков, девять великих буюруков (начальники над 500, 1000 и 5000 воинов), тегины, сыновья хана, бага-тарканы, начальники гвардии [12, с. 42]. К элитной группе можно отнести и представителей центральной власти в племенах (например, над чиками были поставлены тутук, ышбары и тарханы [16, с. 41]).

Однако с развитием Уйгурского каганата состав и характер элиты изменился. Необходимо подчеркнуть, что одной из самых ярких черт в истории Уйгурского каганата была урбанизация. Во второй половине VIII – начале IX вв. в каганате сложилась иерархия городских центров: столичный город Хара-балгас – «областные» административные центры – провинциальные города и военные крепости. Благодаря наличию в степи значительного количества согдийцев и китайцев в каганате также возникла сеть аграрных поселений, особенно рядом с крупными городскими центрами [11, с. 94–95; 5, с. 151; 19, с. 191; 14, с. 333–334 и др.]. Уйгуры перестали зависеть от поставок сельскохозяйственной продукции из Китая, а в качестве «даров» из Поднебесной предпочитали шёлк (в конце VIII в. до 100 тыс., а в IX в. – до 500 тыс. кусков шёлка) или монету (до 200 тыс. связок монет) [2, с. 313, 322, 323, 333; 1, с. 46; 9, с. 110 и др.]. Китайский шёлк и монеты обеспечивали активное участие Уйгурского каганата в международной торговле, тем более что основная ветвь Великого шелкового пути стала пролегать через монгольские степи, так как Тибет к концу VIII в. захватил важнейший участок шёлкового пути «от Ичжоу до Ганьсуского коридора» и блокировал на данном направлении развитие транзитного обмена товарами [15, с. 380].

Согдийские колонисты в Монголии имели устойчивые связи с торговцами из Китая, Восточного Туркестана, Семиречья, Арабского ха-

лифата. В каганат стекались товары с его северных и восточных окраин (пушнина, металлы, скот и др.). На всём протяжении «уйгурского пути» – от Турфана до Орду-балыка, по свидетельству Тамим ибн Бахра, существовали поселения с рынками [1, с. 46]. Особенно славилась своими рынками столица каганата. Поступавшие из Китая престижные товары шли на удовлетворение запросов кагана и его окружения, раздавались племенным лидерам в обмен на их лояльность верховному правителю.

Решающим фактором трансформации элиты стало возникновение в каганате одной из форм раннего государства. Уйгурская знать составила основу центрального и провинциального аппарата управления. С развитием городов появилось городское управление и иерархия городских чиновников (глава города, сборщики налогов, судьи и т. д.). В провинциях значительно выросло количество фискальных и военных чиновников [17, с. 113–114, коммент. 164, 165, 166]. Кроме того, в состав власти имущих, если судить по примеру «министра» Ань Юнь-хэ [17, с. 26], вошли и представители согдийской диаспоры. Уйгурская знать (военно-аристократическое окружение кагана и высшее имперское чиновничество) в отличие от типичной аристократии кочевых империй жила не только за счёт получения «даров» из Китая и продажи шёлка, но и за счёт регулярных фискальных поборов. Поощряя развитие торговли, ремесла, земледелия, уйгуры собирали налоги и пошлины. Особенно доходными были многочисленные рынки на территории империи.

Структура уйгурской элиты соответствовала политической иерархии. На высшей ступени стоял каган и его ближайшее окружение, далее шла кочевая аристократия и столичное чиновничество. В состав имперской и городской бюрократии могли входить не только уйгуры и представители других кочевых племен, но и согдийцы, а также выходцы из Китая. Своё влияние сохранили главы племен не уйгурского происхождения. Нижнюю ступень составляли провинциальные чиновники (тутки, тарханы и др.).

Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экономики всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус (богатство у кочевников нестабильно). Именно принадлежность к числу управленцев империи позволяла знати укреплять свои социально-экономические позиции. Получение и сохранение богатства было возможно только в имперских городах. Имперская знать в то же время оставалась кочевой аристократией, владевшей

большими стадами, но рост экономических ресурсов такой знати происходил за счёт доходов государства и торговли шёлком. Сочетая городской образ жизни и выезд на кочевья, высшая уйгурская знать не могла оформиться в отдельную социальную группу, не связанную с рядовыми кочевниками. Показательно, что после разгрома каганата кыргызами представители уйгурской элиты мигрировали вместе со своими племенами и кланами [17, с. 26–31].

К элитным слоям относилось высшее ма-нихейское духовенство и наиболее богатые и связанные с продажей шёлка согдийские купцы (здесь важна их приближённость к кагану и уйгурской знати, от которой согдийские купцы получали шёлк на продажу). Согдийцы, как сообщается в китайских источниках, «преумножали свои товары», зарабатывали на транзитной торговле, контроле отдельных сфер торговли в Уйгурии, Китае, Восточном Туркестане, в других странах и регионах.

По сложности социальной организации каганат достиг возможного в условиях монгольских степей предела. Но, несмотря на появление нескольких привилегированных групп, сословно-классовая структура в Уйгурском каганате не сложилась. Прежде всего, это объясняется коротким с точки зрения исторических процессов периодом существования Уйгурской державы. Очевидно, что политическая интеграция в кочевых обществах (в данном случае в Уйгурском каганате) опережала процессы социальной дифференциации. Потенциально элита в каганате могла приобрести сословный статус. Однако события, связанные с падением Уйгурского каганата, показали, что сложные общественные структуры в степи были неустойчивыми и дискретными. Перепроизводство элиты вело к росту внутренних противоречий и конфликтам, что было наряду с голодом, падежом скота, вторжением кыргызов одной из причин краха каганата.

Империя Ляо. Создание империи Ляо в X в. венчает социально-политическую и культурную эволюцию кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья. Среди всех существовавших в восточном ареале евразийских степей в V–XI вв. кочевых политий именно киданями была основана самая сложная по своей структуре империя, включавшая к тому же численно преобладавшее земледельческое население.

Следует отметить, что в доимперский период элиту киданей составляли племенные вожди «восьми кочевий» [18, с. 154, 157, 163, 171, 172–173, 186] и другие представители знатных кланов. В начале X в. в ходе интенсивных завоеваний киданями во главе с Елюй Абаоцзи племен си, шивей, нойчжэней (чжурчженей),

тюрков возникла своего рода региональная держава. Этот успех был закреплен в 916 г. провозглашением Абаоцзи императором (храмовый титул Тай-цзу). Походы в Центральную Монголию, рейды по северо-восточным провинциям Китая и захват в 926 г. государства Бохай окончательно укрепили военно-политические позиции киданей. При Абаоцзи в киданьских владениях развернулась культурная интеграция кочевого и оседлого населения, в дальнейшем существенно повлиявшая на элитарные слои киданей. Китайцы учили киданей «организации официальных учреждений», постройке «городов, обнесённых внутренними и внешними стенами», «дворцов и домов», созданию торговых местечек для поселения китайцев» [7, с. 43; 18, с. 176]. У киданей «постепенно стала развиваться письменность и законы» [18, с. 173]. В окружении Абаоцзи было немало китайцев, причём некоторые из них занимали весьма высокие должности.

В правление среднего сына Абаоцзи Дэгуана (Тай-цзун, 926–947) кидани в 936 г. разгромили Позднюю Тан и по договору с марионеточным правительством Поздней Цзинь получили ряд китайских областей (Синньчжоу, Учжоу, Юньчжоу, Инчжоу, Шочжоу и др.), а также право на ежегодную дань в 300 тыс. кусков шёлка» [18, с. 180, 198]. Киданям поступал не только шёлк, но и золото, знаки достоинства, дворцовые одежды и мн. др. В 947 г. были захвачены все цзиньские земли и провозглашена империя Великая Ляо.

По существу, именно при Дэгуане были заложены основы дуальной организации власти в империи. Северная администрация управляла киданями, подчинёнными кочевыми и оседлыми народами, в том числе довольно многочисленным китайским населением, обосновавшимся в родовых землях киданей. Создавая северную администрацию, Дэгуан назначил вождей кочевий и «переводчиков» (по всей видимости, чиновников для управления некиданьским населением) [18, с. 204]. Южная администрация появилась в связи с необходимостью осуществлять власть над захваченными китайскими областями. Её создание Дэгуаном преследовало, можно сказать, утилитарные цели – «собрать в Поднебесной деньги и шёлк для награждения войск» [18, с. 204]. Киданьский император в бывшей цзиньской столице лично назначал высших чиновников и губернаторов, в чьи задачи входило управление территориями с китайским населением [18, с. 202–204; 7, с. 88–92]. Он также рассылал киданей для «выколачивания фуража», «травы и хлеба», но позднее оценил данный эксперимент негативно, передав эти полномочия местной китайской администрации. В дальнейшем она превратилась в постоянно

действующую систему управления китайскими провинциями в ляоской империи. Причём за исключением высших должностей, которые занимались представителями правящего рода Елюй, все остальные бюрократические посты в южной администрации получали китайцы [13, с. 181–182, 187–188]. Таким образом к середине X в. завершилась наиболее активная фаза создания полиэтнической империи Ляо.

Дэгуан, участвуя во многих придворных церемониях, довольно быстро утомился от бюрократических хлопот: «В своём государстве я находил радость в охоте и мясе, а с тех пор, как прибыл в Среднее государство, никогда не испытывал в сердце удовольствия» [18, с. 204–205]. Это свидетельствует о том, что император и киданьская знать ещё не обладали характерным для бюрократии сознанием и психологическими установками.

Император Уюй (Ши-цзун, 947–951) активно привлекал китайцев к управлению, в земли киданей ехали учёные, здесь расцвело китайское ремесло. В землях северной администрации китайское население довольно органично вписалось в киданьскую этносоциальную среду, и в связи с этим можно говорить о начале формирования в киданьских городах локальных групп кочевнико-оседлого сообщества [4, с. 112].

Однако короткое правление Уюя обозначило и назревающий в империи Ляо кризис, характерными чертами которого были: 1) утрата коллективной сплоченности (асабии по Ибн Хальдуну), перепроизводство элиты, междоусобицы и т. д.; 2) доходы элиты за счёт даней и налогов настолько значительны, что они не видят необходимости в продолжении войн, набегов, захватов, а это исключает возможность получения дополнительных ресурсов для рядовых кочевников; 3) раскол элиты по вопросу политики в отношении китайцев и способам их эксплуатации; часть киданьской элиты, видевшей масштабы китайского влияния, боится утраты собственной кочевнической идентичности [4, с. 112–113].

Симптомом раскола элиты было столкновение Уюя в самом начале своего правления с вдовствующей императрицей Шулюй (супругой Абаоцзи). Можно предположить, что вокруг Шулюй сложилась ортодоксальная киданьская «партия», а сама Шулюй олицетворяла традиционный взгляд кочевников на земледельцев. Она упрекала Дэгуана в том, что он стремился завоевать Поднебесную, подчеркивая, что тот не сможет «владеть ей» и «в дальнейшем непременно возникнут беды» [18, с. 208]. Несмотря на победу Уюя, сторонники взглядов Шулюй явно преобладали: когда в 951 г. Уюй собрал вождей кочевий и призвал их к вторжению в Китай, все

племенные лидеры отказались идти в поход (!). Попытка императора «принудить» вождей к походу закончилась заговором и убийством Уюя [18, с. 208–209; 7, с. 103].

Кризисное состояние киданьской элиты, отказ от военно-политических установок Абаоцзи и Дэгуана стали особенно очевидны в правление сына Дэгуана Шулюя (Му-цзуна, 951–968) и сына Уюя Сяня (Цзин-цзу, 968–982). Киданьская знать, получив различные придворные должности в северной администрации, получала огромные доходы за счёт фискальных поборов империи Ляо и дистанционной эксплуатации китайских царств (откупы, дары и пр.) и не видела необходимости в дальнейших завоеваниях. Вполне соответствовало этим настроениям и поведение императоров Шулюя и Сяня. Они не ходили в походы, не осуществляли личного командования армией, не занимались «государственными делами». Функции центрального управления были возложены на придворных «киданьских и китайских сановников» [7, с. 112]. Шулюй проводил время в основном окружении евнухов, любил охоту и вино, пил всю ночь до утра, а днём постоянно спал, в связи с чем кидани называли его «спящим правителем» [18, с. 209; 7, с. 105; 8, с. 75–79]. Император Сянь имел склонность к вину и женщинам», отличался слабым здоровьем и даже не мог сам сесть на лошадь. На аудиенциях императора представляла его жена [7, с. 114, 119–120]. Показательно отношение киданьских правителей к поражениям от китайцев и утрате территорий: когда император Поздней Чжоу Ши-цзун захватил три киданьские заставы и несколько областей, Шулюй сказал соотечественникам: «Это ханьские земли, к чему нам сожалеть, что они вернулись к ханьцам?» [18, с. 210]. Такая модель поведения киданьских правителей прямо противоречила представлениям о славном и доблестном кочевом правителе. Кризис ценностных установок элиты отражал процессы, характерные для всех крупных политических кочевий. В соответствии с циклами власти кочевников Ибн Хальдуна утрата асабии и междоусобицы приходится на 3–4 поколение правителей. Как правило, к третьему поколению правителей отчётливо проявляется процесс перепроизводства элиты (существенный рост из-за полигамии числа потомков верховного лидера и его родственников), что порождает конкуренцию за власть и ресурсы и вызывает открытые конфликты. Подобные явления прослеживаются в истории кочевых империй Центральной Азии у хунну, жуань-жуаней, тюрков, уйгуров, монголов [13, с. 139–141, 302–304; 3, с. 21–26 и др.]. Однако первый цикл эволюции элиты у киданей не закончился крахом их государства.

Причин, благодаря которым империя Ляо смогла преодолеть кризис, было несколько. Во-первых, относительно благоприятная внешнеполитическая ситуация: у соседей киданьской империи в середине X в. не оказалось сил для разгрома и завоевания Ляо. Во-вторых, важным ресурсом стабильности империи Ляо и её дальнейшего расцвета было наличие в составе государства многочисленного земледельческого населения. В-третьих, нельзя не упомянуть харизматичного императора Шэн-цзуна (982–1031), сумевшего консолидировать ляоское общество и обеспечить своей политикой процветание империи [4, с. 113].

Административно-бюрократическая система империи при Шэн-цзуне получила новый импульс. Для более качественного отбора чиновников в состав южной администрации в 988 г. была восстановлена система экзаменов. Шэн-цзун, стремившийся к более эффективному управлению киданьскими владениями, активно привлекал китайцев в северную администрацию. Киданьская аристократия и бюрократия так же получала образование. Начался период обширного заимствования китайского опыта в управлении, правовой сфере, культуре. В социальном отношении перенесение китайских традиций на управленческую практику северной администрации (создание государственного сектора, налоги, рост числа должностей) существенным образом отразилось на положении рядовых кочевников (в кочевой среде имперской метрополии шли процессы оседания номадов, рос госсектор за счёт конфискации племенных земель, номады сгонялись с пастбищ и родовых территорий, солдат пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно и т. д. [20, р. 193–195; 137, с. 184, 186; 6, с. 113 и др.]).

«Китаизированная» элита киданей добавляла к своему привилегированному положению различные придворные должности, обладание земельными ресурсами, участие в распределении государственных доходов, иную, не связанную с кочевым образом жизни, модель поведения. Таким образом, наметился разрыв между ценностями рядовых кочевников и киданьской аристократии.

Ведущую роль в элитарной среде играл император. Он распоряжался огромными ресурсами империи (в кладовых хранились редкие и драгоценные вещи; государственные стада насчитывали не менее миллиона голов; налоги, дани, поступления от Сунн и т. д.). В окружении киданьских императоров было несколько тысяч военных и гражданских чиновников, офицеры и гвардия, дворцовая прислуга, «дворцовые женщины», евнухи и т. д. Особенно многочисленным был штат служащих в пяти столичных городах. Император вместе с частью своего

окружения переезжал из столицы в столицу, осуществляя контроль за представителями администрации. Также высокие позиции в элите занимала наследственная знать двух кланов Елюй и Сяо (клан императрицы). Клан Елюй делился на «пять подразделений» (к ним относилась семья императора) и «шесть подразделений», управлявшиеся великими князьями (да ванами). Прямые потомки Абаоцзи, а также потомки его двух дядей и братьев образовывали четыре ведущих линиджа. Представители этих кланов являлись крупнейшими собственниками в стране и занимали большую часть наиболее важных военных и гражданских постов в администрации империи [13, с. 180; 10, с. 8].

Представители клана императора и клана императрицы не могли вступать в браки с представителями других племен киданей. В 1019 г. членам четырёх самых знатных линиджей клана Елюй было запрещено жениться на выходцах из младших линиджей императорского рода. В 1029 г. два ведущих линиджа клана Сяо и линиджи «пяти» и «шести» подразделений были объявлены «благородными родами нации» [13, с. 181–182]. Таким образом, доступ в высшие слои киданьской знати был закрыт и она обладала сословно-клановой замкнутостью.

Ниже стояли вожди киданьских племен, представители других аристократических родов и императорская служилая знать как киданьского, так и китайского происхождения. Для них так же был характерен высокий имущественный статус, но стабильные доходы гарантировались только нахождением на государственной службе. Государственная служба требовала определенной квалификации. Благодаря военной службе и образованию оставались каналы социальной мобильности. Но люди незнатного происхождения могли попасть лишь в низшие слои элиты. К ним можно причислить и представителей китайской провинциальной администрации.

В дальнейшем китаизация элиты, её превращение в замкнутые группы и бюрократизация привели к новому кризису империи Ляо в конце XI – начале XII вв. В начале XII в. явное ослабление сплочённости элитных слоев, внутренние противоречия, нежелание киданьских воинов воевать стали главной причиной поражений от чжурчженей [10, с. 16–21]. В конечном итоге второй цикл эволюции элиты закончился полным крахом империи. Бежавшие вместе Елюй Даши на запад кидани смогли создать новое государство – Западное Ляо, просуществовавшее около столетия (третий цикл по Ибн Хальдуну).

Выводы. В Уйгурском каганате отчетливо проявилась тенденция к усложнению общественной структуры, однако полного обособле-

ния знати, в состав которой вошли и наиболее успешные согдийские купцы, не произошло. Это объясняется скоротечностью существования каганата, в рамках которого сословная знать просто не успела оформиться (в кочевой среде по-прежнему доминировали клановые связи), а элита Уйгурской империи уже к 830-м гг. вступила в фазу внутренних конфликтов и противоречий. Наряду с природными катаклизмами и голодом это позволило кыргызам сравнительно легко разгромить каганат.

В империи Ляо сформировалась более сложная общественная структура. К XI в. у киданей возникла сословная китаизированная знать (главным сословным критерием была принадлежность к императорскому клану Елюй и высшему имперскому чиновничеству). Она обладала наследственным статусом и сословной замкнутостью. Служилая знать киданей, связанная с управлением в северной администрации и участвовавшая в разделе ресурсов империи, сложилась во многом за счёт эксплуатации оседлого населения и не могла быть окончательно замкнута для кочевников, так как сохраняли своё значение такие каналы социальной мобильности, как военная служба, клановые связи, образование, управленческие таланты. Вместе с тем по

образу жизни и социально-правовому статусу киданьская элита далеко ушла от традиционного быта престижных слоёв кочевого населения.

В развитии кочевых обществ существовал своеобразный непреодолимый «порог» социального усложнения. В Уйгурском каганате тенденция к формированию привилегированного сословия и численный рост полиэтничной элиты вызвали «перегрев» общества, внутренние конфликты, которые облегчили победу кыргызов над уйгурами. В империи Ляо завоевание территорий с земледельцами, регулярные фискальные поборы с китайских и других оседлых поданных и «дары» китайских царств создали условия для устойчивого обогащения элиты. Киданьская аристократия занимала высшие государственные посты, распоряжалась государственными ресурсами, обладала замкнутостью. Тем самым элита в Ляо обладала более устойчивым положением, что позволило ей пережить кризис третьей четверти X в. и сохранить империю более чем на столетний период. В Ляо, в отличие от Уйгурского каганата, происходило зарождение сословных групп. Но даже в этом имперском образовании кочевников элита не смогла трансформироваться в закрытое господствующее сословие.

Список литературы

1. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку : Элм, 1993. 204 с.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. I. 397 с.
3. Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. 2010. № 4. С. 20–34.
4. Васютин С. А. Проблемы формирования кочевно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2011. Вып. 7. История. С. 110–115.
5. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
6. Дробышев Ю. И. Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае: XL науч. конф. (Ученые записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2). М. : Институт востоковедения, 2010. С. 108–122.
7. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. 607 с.
8. История Железной империи. Новосибирск : ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2007. 178 с.
9. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
10. Киданьский город Чинтолгой-балгас / Н. Н. Крадин, А. Л. Ивлиев, А. Очир, С. А. Васютин [и др.]. М. : Восточная литература. РАН, 2011. 173 с.
11. Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.
12. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 416 с.
14. Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 330–346.
15. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шёлковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: очерки истории. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 352–391.
16. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л.: АН СССР, 1959. 447 с.
17. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1974. 210 с.
18. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. 486 с.
19. Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар: Institut archaeologic ASM, 2008. 239 с.
20. Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1115). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.